

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

A romantic scene set in a rustic mill. A man with a beard and long hair, wearing a light-colored shirt and a dark apron, stands behind a woman. The woman has blonde hair in a braid, wears a white blouse and a dark apron, and has a flower in her hair. They are both looking towards the camera. In the background, there is a large wooden water wheel and a stone fireplace. A large loaf of bread sits on a wooden table in the foreground.

Под защитой
настоящего
Мужика

**Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова
Под защитой
настоящего мужика**

<https://litres.ru/74554217>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спасаясь от долгов бывшего жениха и преследователей, Дарья с маленькой племянницей находит убежище на старой мельнице. Её встречает суровый Богдан — настоящий русский богатырь. Вместе они возрождают пекарню, вступают в схватку с бандитами и коррупционерами. Но главное — между ними вспыхивает страстная, исцеляющая любовь. Сможет ли Дарья обрести дом и счастье под защитой настоящего мужика? Эта история о хлебе, верности и победе добра над злом никого не оставит равнодушным.

Содержание

Глава 1. Чужие врата	5
Глава 2. Ты дома, Даша	15
Глава 3. Ключи и черная ветошь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виктория Шнайдер

Под защитой

настоящего мужика

Под защитой настоящего мужика

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Чужие врата

Я выдернула сапог из липкой колеи и крепче прижала к себе Алёнку. Тьма хлестала наотмашь. Черноземная глина под ногами чавкала, хватала за подошвы сапог, как живая, вязкая пасть, норовила уронить меня в ледяную колею. Дождь сек по лицу жесткими плетьюми, заливал глаза, стекал за шиворот легкого городского плаща, промачивая свитер до кожи.

Я прикрывала полрой плаща голову девочки, заслоняя ее от дождя. Весь мой мир сжался до одного комочка, прижатого к груди.

— Алёнка... Алёнушка, держись, маленькая. Скоро придем, — шептала я пересохшими губами, вжимая голову девочки глубже под полу плаща.

Пятилетняя племянница горела. Даже сквозь мокрую ткань ее тельце обжигало меня сухим жаром. Она тяжело, нутужно сипела на каждом вдохе, вцепившись пальчиками в мой свитер. Последний замер перед дорогой показал почти сорок градусов, и каждый хрип отзывался в сердце ударом ножа.

Сзади, за сотни километров от этого проселка, осталась моя растоптанная столичная жизнь. Престижная должность главного технолога пекарни, бессонные ночи над рецептурами... и Вадим. Мой бывший жених. Человек с безупречны-

ми манерами и гнилой душой, повесивший на меня фиктивные долги на пятнадцать миллионов и натравивший коллекторов. Когда в Москве в дверь стали ломиться бритоголовые амбалы, а у осиротевшей после гибели сестры Алёнки начался первый приступ удушья, я схватила тяжелый чемодан, сгребла ребенка в охапку и села на поезд в Черноземье — туда, где, по рассказам бабушки, на реке Быстринке стояла вековая мельница старинных мастеров.

Вспышка ветвистой молнии с треском расколола небо.

На долю секунды впереди выросла колоссальная громада: высокий речной обрыв, рев пенной воды и высокий бревенчатый сруб вековой водяной мельницы из мореной лиственницы, обнесенный глухим дубовым частоколом. Настоящая крепость.

Нога в размокшем сапоге предательски скользнула на глиняном откосе. Теряя равновесие, я подвернула плечо, падая на правый бок и закрывая Алёнку своим телом и локтем. Острый щебень обочины полоснул сквозь рукав, содрав кожу, а девочка осталась у меня на груди.

Задышавшись, я вытянула руку вперед — и пальцы наткнулись на ледяной металл. Кованые прутья калитки.

Поднявшись на колени в грязи, я забарабанила в толстые дубовые доски. Звук утонул в реве грозы и водосброса. Кольцо-стукало заело в ржавчине. В отчаянии я сорвала с плеча сумку и латунной пряжкой ударила по накладке замка. Раз, другой, третий!

— Помогите! — закричала я, срывая голос. — Ребенок замерзает! Есть здесь живые?!

Ржавый штырь защелки лопнул под ударом. С тяжелым скрипом калитка распахнулась. На пороге калитки меня встретил яростный рык: из темноты двора выметнулась косматая тень.

Громадный волкодав, натянув толстую цепь до звона, взлетел на задние лапы в полуметре от меня. Из пасти вырвался горячий пар. Я застыла, успев лишь вжаться спиной в тын и закрыть головку девочки ладонями.

— Полкан, на место! Лежать, дурак!

Голос ударил, как тяжелый колокол. Вибрирующий, глубокий бас сотряс сырой воздух. Пес мгновенно захлопнул пасть и прижался брюхом к траве, скуля и косясь назад.

В стене ливня появился желтый огонек. Из темноты широким шагом вышел человек.

В желтом круге света кованого фонаря стоял хозяин мельницы: под два метра ростом, с тяжелыми, налитыми силой плечами, в расстегнутом брезентовом плаще поверх холщовой рубахи, припорошенной мучной пылью. От него пахло мокрой хвоей, речным ветром и смолой. Густая темная борода, узловатые пальцы привыкшего к тяжелому железу труженика и темно-синие глаза цвета грозового неба. Он смотрел на меня, ожидая, когда я протяну ему ребенка.

Он поднял фонарь, окинув взглядом мой растерзанный плащ, содранный локоть и пылающее личико хрипящей ма-

лышки.

— Не бойся, хозяйюшка, — негромко произнес он, опускаясь на одно колено прямо в грязь, чтобы наши глаза поравнялись. — Мой дом — твоя крепость. Отдай дитё в тепло.

От пережитого ужаса мои пальцы судорожно свело. Я прижимала Алёнку к себе.

Тогда он осторожно накрыл мои заледеневшие кулаки своей широкой ладонью. Его кожа была шершавой от мозолей и обжигающе горячей. Это тепло хлынуло по моим жилам, и спазм сам собой отпустил.

Великан одним бережным движением принял Алёнку к себе на широкую грудь. На его руках девочка казалась невестомой. Свободной рукой он легко подхватил мой чемодан, оставленный у калитки.

— Держись за пояс, — скомандовал он.

В этот миг шквал сорвал деревянный желоб под свесом кровли. Водопад ледяной воды рухнул прямо на ступени крыльца. Я вскрикнула, но мужчина шагнул вперед, закрыв нас широкой спиной в грубом брезенте. Поток разбился о его брезент, а я укрылась за его плечом. Сапогом он распахнул тяжелую дверь.

Мы вошли в просторные бревенчатые сени. В полумраке, среди запахов дегтя и смолы, мой взгляд зацепился за массивную железную дверь с заклепками в левой стене. За ней был выход во двор; напротив виднелись каменные своды старой пекарни, запертой на кованый засов.

А еще через миг распахнулась дверь в горницу, и холод ночи отсекался тяжелым деревом.

Меня обдало благословенным жаром натопленной русской печи. В избе пахло ржаным хлебом, березовой корой и мятой. На беленых боках печи плясали отсветы углей, мерно тикали деревянные ходики на бревенчатой стене.

Хозяин бережно опустил Алёнку на войлочную кошму на припечке. Девочку колотило, мокрые сапожки намертво прилипли к разбухшим шерстяным носкам. Мои закоченевшие пальцы соскальзывали с мокрых шнурков.

Мужчина достал из ножен на поясе нож с наборной берестяной рукоятью. Вороненое лезвие блеснуло в полумраке. Кончиком ножа он тонко перерезал бечевку, стянул обувь, распахнул сундук и укутал девочку сухим овчинным тулупом до самого подбородка. Алёнка судорожно вздохнула и затихла в глубоком тепле.

Я стояла посреди горницы. С подола плаща на половики натекала грязная вода. Стыд и страх сдавили горло.

— У меня нет денег, — выдавила я, чувствуя, как жгут щеки слезы. — Нас преследовали в Москве... Я технолог, я всё отработаю! Любой труд на мельнице... Только не прогоняйте Алёнку в ночь!

Мужчина налил из медного чайника в глиняную кружку настой и шагнул ко мне. Поднялся душистый пар чабреца, липы и меда. Он вложил чашу в мои трясущиеся пальцы.

— Сначала испей взвару и согрейся, Даша, — низким ба-

сом произнес он. — На мельнице Мельниковых гостей не судят и сирот не выгоняют. Пока ты в этих стенах — вы под моим щитом.

Я ошеломленно подняла глаза: — Откуда вы знаете мое имя?..

Мужчина чуть заметно усмехнулся в бороду, кивнув на чемодан: — Бирка на ручке: «Соколова Дарья». А меня Богданом звать. Пей, Даша. Ночь длинная.

Я сделала глоток. Обжигающий медовый настой разлился по телу, и вместе с ним во мне со звоном рухнула стена отчаяния. Впервые за долгие месяцы я почувствовала себя под защитой.

Кружка еще грела мои пальцы, когда из-за стены донесся звон.

Тишина длилась недолго. Едва стрелки ходиков переваляли за половину третьего ночи, как сквозь стены пробился частый, тревожный перезвон железа. Кто-то яростно колотил молотом по подвешенному у плотины рельсу.

Дверь из сеней с грохотом распахнулась. На пороге возник кряжистый, хромо́й старик в мокром овчинном картузе.

— Богдан! Беда! — прохрипел он, хватаясь за косяк. — Вода в Быстрянке прет дуром! С верховьев сорвало вековой дуб, тащит прямо в створ колеса! Заклинит шандоры — сорвет плотину, всю мельницу смое́т к чертям!

Богдан действовал без лишних слов. Сбросив сухую рубаху, он натянул прорезиненный комбинезон и болотные сапо-

ги, схватил рабочие рукавицы, лом и бухту стального троса.

— Дед Трофим, раздувай горн, если клин рубить придется. Я к шандорам, — бросил он.

Старик, пошатнувшись на больной ноге, выронил фонарь. Я схватила с лавки брезентовую куртку мельника, набросила на плечи и шагнула следом: — Я иду с вами!

— Сиди в тепле! — огрызнулся дед Трофим. — Там мужикам не устоять!

— Я инженер-технолог! — отрезала я, подхватывая старика под локоть. — Механику гидродинамических нагрузок знаю отлично. На реке нужны руки!

Ночной воздух обжег легкие. Гроза отступала, но Быстрянка превратилась в ревущего черного зверя. Волны с грохотом били в бревенчатые быки плотины, пена перехлестывала через настил. Тьма прятала мостки; из машинного яруса доносился скрежет, вода грохотала под ногами.

Богдан уже стоял на мостках, вглядываясь в водоворот, но ручной фонарь тонул в пене.

— Куда трос заводить?! — крикнул Трофим сквозь рев реки.

Я окинула взглядом стену мельницы. На стойке темнел закрытый ящик щита. В два прыжка преодолев мокрый настил, я сорвала защелку и обеими руками с силой вогнала тяжелый рубильник генератора в контактные губки.

Под кровлей с гулом вспыхнул мощный судовой прожектор.

Белый луч света прорезал водяную пыль. В узком створе обнажилась угроза: вывороченный ствол векового дуба с корявыми черными корнями намертво заклинил нижние лопасти трехметрового водяного колеса. Чугунные втулки вала визжали, дубовые спицы выгибались на излом.

Богдан обернулся ко мне. В его глазах мелькнуло удивление, тут же сменившееся решимостью. Обвязав пояс канатом, он прыгнул с помоста прямо в ледяную стремнину.

Вода сшибла его, но мельник уперся коваными подошвами в гранит подводного шандора. Обхватив скользкий комель бревна голыми руками, он перекинул через него петлю троса.

— Трофим, тяни лебедку! — проревел Богдан.

Старик навалился на рычаг ручной лебедки, но рукоять застыла намертво.

— Заклинило храповик! — крикнул дед Трофим. — Силы не хватает!

Я бросилась к лебедке. Вцепившись в стальной рычаг рядом со стариком, я уперлась ногами в рифленые доски: — Вместе, Трофим! На выдохе! Раз, два... взяли!

Мы рванули рычаг вдвоем. Ладони обожгло ледяным железом, но стальной зуб со щелчком провернулся. Раз, второй! Трос натянулся, зазвенев струной, но заклинивший комель сидел неподвижно, намертво скованный гранитом.

Я всмотрелась в освещенный прожектором узел заклинивания. С помоста открывалась вся гидросистема XIX века:

лиственничные шандоры, дубовый аварийный акведук над кровлей зернохранилища и массивный нижний гранитный замок водосброса.

Комель расклинило в пазу гранитного основания!

— Богдан! — закричала я, перегибаясь через перила и указывая вниз. — Не тяни лебедкой! Его заклинило в гранитном замке! Слева по волокнам идет трещина, бей туда ломом! В основание корня!

Мельник услышал меня. Перехватив тяжелый лом, он уперся плечом в шандор и нанес таранный удар точно в трещину.

Раздался сухой пушечный треск. Древесина раскололась вдоль волокон. Напор воды подхватил обломки и вышвырнул их в обводной канал.

Освобожденное трехметровое колесо с глухим победным стоном сделало первый оборот. Вода ударила в лопасти. Из глубины здания донесся низкий рокот: в движение пришли дубовые шестерни, передавая ход на гранитные жернова. Мельница ожила!

— Пошла, родимая! — закричал дед Трофим, утирая мокрое лицо.

Мы навалились на деревянные ваги, опустили верхний брус шандора и направили избыток паводка в подвесной дубовый акведук над амбарами. Поток с ревом устремился по желобу прочь.

Но внизу оставался Богдан. Вода доходила ему до груди,

мокрая роба тянула вниз, а ступени лестницы сорвало.

Я упала на колени на мокрые доски помоста и протянула вниз обе руки: — Богдан, держись за меня!

Он вскинул голову и сжал мои запястья своими онемевшими от стужи ладонями.

— Тяни, Даша! — выдохнул он.

Трофим обхватил меня за пояс. Я сцепила зубы и потянула изо всех сил. Богдан уперся ногой в камень, перехватил край настила и, опираясь на локти, перевалился через низкий поручень.

Мы замерли рядом, тяжело дыша. Его грудь вздымалась, горячее дыхание обжигало мои мокрые щеки. В темноте его синие глаза горели глубоким светом — смесью благодарности и нерушимого уважения.

— Ну и хватка у тебя, Даша, — тихо уронил он. — Без тебя бы мы плотину не спасли.

С плотины мы шли к теплым окнам избы. У порога я услышала лающий кашель и побежала. Алёнка.

Глава 2. Ты дома, Даша

Я толкнула дверь горницы. Шел четвертый час ночи; усталость разом отступила перед страхом за девочку.

Я сорвала мокрую куртку и бросилась к печи. Алёнка металась на овчине. Щечки пылали огнем, дыхание вырывалось со свистом, грудная клетка мучительно западала внутрь.

Я прикоснулась губами к ее лобу и отдернулась: кожа обжигала. По губам градусом определить жар невозможно, а термометр я оставила в дорожной аптечке.

— Богдан, ей трудно дышать! Звони в скорую!

Мельник в два шага оказался рядом. Его лицо стало жестким: — Мост размыло. Через верхний хутор им придется ехать. Но вызову.

Я усадила Алёнку у себя на коленях, поддерживая спину. В трубке ответила диспетчер. Я назвала возраст девочки, рассказала о кашле и свистящем вдохе, повторила адрес мельницы. Богдан забрал телефон и принялся объяснять объезд.

Под матицей висели пучки трав. Трофим, вернувшийся за сухой рубахой, потянулся к липовому цветку: — Настойку бы ей, да дедовской мазью грудку...

— Потом, дедушка. Сейчас нужен врач, — остановила я его. — Открой окно, пожалуйста, и принеси аптечку из мо-

его чемодана.

Мы убрали Алёнку от жаркой печи. Я придерживала ее на коленях, боясь каждым движением прибавить к ее страху свой. Богдан присел рядом, положил ладонь ей на спину.

— Слышишь меня, ласточка? Я тут. Сейчас приедут.

Он говорил так, будто сам держал дорогу открытой. Алёнка слушала его, перестала метаться, но свист на вдохе оставался. Я смотрела на ходики. Стрелка ползла; каждый ее шаг давался мне мучительно долго.

Скорая добралась через верхний хутор. Трофим вывел фельдшера к дому с фонарем. Женщина сбросила мокрую куртку, осмотрела Алёнку и раскрыла сумку. Нам велела оставаться рядом и говорить с девочкой, пока готовила лекарство и ингалятор.

Я держала у лица Алёнки маску, а Богдан рассказывал, как Полкан гоняет гусей от мельничных ворот. Девочка следила за его бородой, шевелившейся при каждом слове. Свист постепенно утих. Когда она смогла глубоко вздохнуть, я разжала зубы — и только тогда поняла, как больно свело челюсть.

Фельдшер задержалась у нас, наблюдая за дыханием. Оставила назначения, объяснила, при каких признаках немедленно звонить снова, и обещала сообщить участковому врачу. Алёнка уже тянулась к кружке, но, увидев ложку, отвернулась: устала от всех, кто трогал ее и просил что-нибудь сделать.

Тогда Богдан взял кружку из моих рук. Сев на край при-

печка, он накрыл крохотную ладошку девочки своими теплыми пальцами и заговорил — тихо, низко, бархатным баюкающим голосом:

— Не бойся, лапушка. Знаешь, кто в наших лесах живет? Медведь бурый, Мирон Иванович. Он всю зиму в берлоге спит, а весной к нам на мельницу за сладким зерном приходит. Вот он лапой своей малинки для тебя собрал. Пей, синичка. Медвежья сила в этом взваре. Испей глоточек — и Мирон тебе сказку нашепчет...

Девочка замерла, широко распахнув синие глазки. За мороженная его голосом, она приоткрыла ротик и сделала несколько глотков взвара. А затем уткнулась носиком в колючую бороду великана, ухватившись пальчиками за его мизинец.

Я коснулась лба девочки: жар ослабевал. Фельдшер еще раз проверила дыхание и только после этого собралась в дорогу.

Богдан уложил спящую девочку на подушку, достал из сундука чистую льняную рубаху тонкого полотна и помог мне переодеть девочку в сухую рубаху.

Дыхание Алёнки стало ровным и глубоким. Опасный приступ отступил. Я оставила телефон и назначения возле подушки.

Я опустилась на лавку у печи, чувствуя, как спадает груз смертельного страха. Богдан подошел неслышно, набросил мне на плечи сухой шерстяной платок и положил свою тяже-

люю руку мне на плечо. В этом простом жесте было столько мужской заботы, что у меня перехватило дыхание.

Я осталась возле Алёнки до рассвета, прислушиваясь к каждому ее вдоху.

Предраассветная мгла за окнами синела. Дождь стих, над Быстрянкой за клубился белесый туман. В избе царил покой. Алёнка мирно спала на печи, щеки порозовели.

Вдруг тишину разорвал свирепый рев мотора.

Слепящие лучи фар тяжелого черного пикапа вспороли полумрак горницы, заметавшись по стенам. Во дворе с визгом затормозили колеса, разрывая гравий у самого крыльца. Полкан на цепи зашелся яростным лаем.

Хлопнули двери машины. Из кузова посыпались тени в черных куртках. Воздух распорол отборный мат: — Эй, мельник! Открывай ворота, пока петуха под крышу не пустили! Сдавай беглую городскую девку, Зуев за ней прислал! Не отдашь — сожжем вместе с бревнами!

— Ворон, — процедил Трофим. — Зуевский бригадир.

Я только сейчас поняла, что за мной могли следить еще на вокзале.

Волна ужаса плеснула под ребра. Я метнулась к припечку, задернула занавеску и схватила тяжелый кованый чугунный хват, встав на пороге спальни насмерть.

Богдан смотрел прямо на дверь, из-за которой летели угрозы.

Его лицо выражало смертоносное спокойствие хозяина, в

чей дом посмели явиться шакалы. В одной холщовой рубаше на мощной груди он неспешно подошел к двери и толкнул ее наружу.

В этот миг Ворон взлетел на площадку крыльца, заноса полутораметровую монтировку, чтобы выбить филенку.

Дубовая дверь распахнулась с грохотом. Удар массивного полотна пришелся главарю прямо в лоб. Ворон взвыл, кувырком полетел со ступеней и шлепнулся спиной в глиняную жижу двора.

Богдан шагнул через порог, встав на крыльце во весь двухметровый рост и перекрыв дверной проем.

— Вы на чью землю ступили, падаль? — прогремел его голос над речным плесом.

— Завали его! — взвизгнул Ворон, барахтаясь в грязи.

Вскочив на ноги, бандит выхватил кусок граненой строительной арматуры и с размаха ткнул им прямо в грудь мельника, целясь в сердце.

Богдан шагнул в сторону от острия. Его мозолистая ладонь сомкнулась на запястье Ворона, точно стальной пресс.

Ворон вскрикнул, когда Богдан вывернул ему кисть.

Ворон зашелся визгом, пальцы разжались, арматура канула в жижу, а сам бандит рухнул на колени, согнувшись от боли.

В эту секунду второй налетчик — коренастый амбал — бесшумно обошел крыльцо от поленницы, раскручивая над головой тяжелую цепь от бензопилы с острыми зубьями, го-

товаясь обрушить ее мельнику на затылок.

— Богдан, сзади! — крикнула я, вылетая на крыльцо.

Под рукой оказался тяжелый литой чугунный рукомойник на лавке у входа. Схватив его обеими руками, я с размаху швырнула чугун под ноги нападающему. Металл со звоном ударился о ступени и отскочил к ногам амбала.

Бандит замешкался на долю секунды.

Этого мига мельнику хватило. Не выпуская Ворона, Богдан сделал полуоборот и нанес таранный удар локтем левой руки прямо в челюсть нападающего. Амбал попятился, споткнулся о рукомойник и спиной проломил низкий плетень. Крапива зашуршала под его тяжелым телом.

— Стреляй в него! — прохрипел третий боевик у борта пикапа.

Он рванул полу куртки, выхватывая пистолет, и вскинул ствол, целясь в меня.

В ту же секунду волкодав Полкан совершил яростный рывок. Деревянный столбик цепи с треском вывернуло из земли. Пес перелетел через капот и в мертвой хватке сомкнул челюсти на предплечье стрелка. Пистолет с грохотом выстрелил в небо.

Богдан в два шага преодолел расстояние, выбил пистолет из ослабевшей кисти и оттолкнул стрелка к пикапу. Тот ударился спиной об открытый борт и завыл. Полкан стоял рядом, скаля окровавленную пасть.

Оставался Ворон.

Богдан вернулся к главарю, наклонился и одной рукой поднял уголовника за воротник куртки в воздух, подтянув его лицо к уровню своих горящих синих глаз.

— Слушай сюда, шакал Зуева, — заговорил мельник тихим шепотом, от которого у Ворона затряслись губы. — Земля эта — исконно Мельниковых. Эта женщина и ребенок — под моим кровом, моим хлебом и моим щитом. Шагнешь за межу села еще раз — лично на гранитные поставы положу и в муку сотру. Пошел вон к своему хозяину и передай: мельница жива. И мы берем свое.

Богдан разжал пальцы. Ворон мешком рухнул в лужу и пополз к водительской двери пикапа: — Уходим! Газуй, он бешеный!

Водитель в панике рванул рычаг коробки передач, пытается развернуться.

Но из сарая уже ковылял дед Трофим. Подкатив к колес тяжелый обломок гранитного жернова, старик подбил его обухом топора прямо под передний мост машины. Пикап задел камень защитой картера, снес угол забора и, бешено буксуя, в облаке сизого дыма унесся прочь в сторону райцентра.

На мельничном дворе воцарилась хрустальная тишина.

Первые золотые лучи восходящего солнца пробились сквозь мокрую листву раkit, озарив сверкающие капли на бревенчатых стенах. Воздух звенел чистотой и запахом свежего хлеба.

Богдан подошел к въездным воротам, поднял дубовый

брус и с глухим, нерушимым стуком опустил его в кованые скобы, запирая мельницу от внешнего мира.

Затем он повернулся ко мне.

Его белая холщовая рубаха была разорвана на плече, обнажая литые мышцы, на костяшках пальцев темнела ссадина. Он поднялся ко мне на крыльцо, осмотрел содранный локоть и осторожно убрал прилипшую к щеке прядь. Я перевела дыхание, глядя ему в глаза.

— Устояла, Даша, — сказал он, и в уголках его губ мелькнула скупая мужская улыбка. — Чугуном отбивалась. Горжусь.

Мое сердце колотилось в горле. Я стояла у двери, которую он защитил, и впервые за долгие месяцы дышала полной грудью.

— Я своих в беде не бросаю, Богдан, — тихо, но твердо ответила я, глядя прямо в его бездонные глаза.

— И я своих не бросаю, — веско уронил он, накрывая мою ладонь своей широкой горячей рукой. — Ты дома, Даша. Отдыхайте с Алёнкой. А когда солнце поднимется — я растоплю для тебя старую подовую пекарню. Пора нам возрождать настоящий русский хлеб.

Он повернулся и шагнул в горницу, а я осталась стоять на пороге, глядя на сверкающие под утренним солнцем воды Быстрянки. И я знала: здесь начинается наша новая жизнь. И за эту жизнь мы будем стоять насмерть.

За дверью Богдан снял с гвоздя ключ. Я смотрела на него

и уже знала, с чего начну.

Глава 3. Ключи и черная ветошь

Я села на лавке, прислушиваясь к дыханию Алёнки. За стеной шумела Быстрянка. Колесо мерно зачерпывало воду.

Сквозь сосновые рамы лился золотистый свет, расчерчивая пол теплыми полосами. В избе пахло смолой, сухой мятой и топленым молоком. Ночной кошмар, ледяной ливень и страх остались позади.

Я повернула голову к припечку. Алёнка сладко спала, раскинув ручки на овчинном тулупе. Ее щечки порозовели, дыхание было ровным и чистым. Я коснулась губами ее лобика: лоб был прохладным. Лихорадка ушла.

Осторожно, чтобы не скрипнуть половицами, я спустила босые ноги на мягкую домотканую дорожку. В избе стояла чуткая тишина. Я хотела согреть чай для хозяина, спасшего нас от беды, но у стола замерла: на льняной салфетке уже стояла глиняная крынка с парным молоком, а со двора доносился размеренный стук топора по сухой ольхе. Богдан поднялся задолго до первых петухов.

На печи зашевелилась Алёнка. Девочка потерла кулачками глаза, сладко зевнула и звонким голоском позвала: — Тетя Даша!

Я потянулась к ней, а она уже спускала ноги с высокой лежанки. Крутые припечные ступени были слишком широки для пятилетнего ребенка, маленькая ножка в носке скольз-

нула по гладкой сосне, и девочка ойкнула. Я метнулась вперед, но в дверях сеней в то же мгновение неслышно выросла могучая фигура Богдана.

Его широкая ладонь бережно подхватила Алёнку под мышки прямо в воздухе. По горнице прокатился залиvistый детский смех. Малышка бесстрашно обвила ручонками шею великана, а Богдан посадил ее себе на плечи, точно синичку на дубовую ветку.

— С добрым утром, ласточка, — басом проговорил он, и в уголках его губ под каштановой бородой дрогнула теплая улыбка. — Лихорадка твоя за реку уткла.

Он бережно опустил Алёнку на широкую лавку, а сам полез в карман своей чистой холщовой рубахи, пахнувшей ветром и речной водой. На ладонь легла резная деревянная фигурка птицы, выструганная из плотного свилеватого капа.

Алёнка потянулась к игрушке, но смутилась сурового вида большой птицы. Тогда Богдан с мягким прищуром поднес клюв к губам и подул. По избе разлилась чистейшая, звонкая весенняя трель — переливчатая, живая, радостная.

Алёнка восторженно захлопала в ладоши, схватила птицу, прижала к груди и принялась ощупывать гладкие деревянные перья. Маленький пальчик нажал на крыло — и вдруг из полого подбрюшья свистульки на льняную скатерть выскользнула плотная трубка пожелтевшей от времени бумаги.

Я машинально подхватила свиток, развернула его — и дыхание перехватило.

Это был подробнейший чертеж 1898 года. Четкие чертежные линии, старинная бумага и подпись Тимофея Мельникова. На схеме были детально прорисованы скрытые дымообороты кирпичной пекарни и потайной канал нижнего поддувала, который скрывала поздняя кладка.

— Это же... устройство дедовской печи, — прошептала я, поднимая глаза на мельника.

— Прадед Тимофей закладывал, — кивнул Богдан, глядя на бумагу. — Перед смертью спрятал чертеж в каповую птицу. Говорил: придет срок, найдется рука, что этот камень согреет.

Накормив Алёнку теплой кашей с парным молоком, мы вышли во двор. Солнце поднималось над Быстрянской, высушивая ночные лужи и зажигая алмазные капли на ракитах. Я развернула перед Богданом найденный чертеж дедовской печи и посмотрела ему прямо в глаза:

— Ты обещал на рассвете растопить пекарню, Богдан. Вот они — скрытые ходы и нижнее поддувало твоего прадеда. Я дипломированный технолог, у меня десять лет работы с заквасками и подовыми печами. Я хочу работать рядом с тобой. Давай растопим эти печи и вернем мельнице настоящий хлеб, за которым поедут со всей губернии!

В синих глазах великана вспыхнуло глубокое, искреннее уважение. Он посмотрел на чертеж в моих руках, затем на меня — и в уголках его губ дрогнула теплая, хозяйская улыбка. Он опустил руку в карман жилета и вынул массивный

старинный медный ключ на сыромятном ремешке:

— Дождались эти каменные своды хозяйки, Даша. Коли сердце к огню лежит — владей. Пойдем открывать.

Мы подошли к тяжелой дубовой двери каменной пристройки. Короб амбарного замка покрылся бурой патиной от сырости. Я вставила ключ в замочную скважину, но запорные штифты заклинили намертво. Тогда Богдан капнул из масленки каплю очищенного веретенного масла и накрыл мои пальцы своими железными руками. Мы повернули ключ в четыре руки.

Раздался сочный металлический щелчок. Дверь со стоном распахнулась внутрь.

Нас обдало густым, дремлющим холодом старого камня, золы и сухого чабреца. Под высокими полуциркульными сводами из красного кирпича царил полумрак. В центре стоял исполинский разделочный стол из цельной липовой плахи, а вдоль стены высились три массивных чела печей с чугунными заслонками.

Я подошла к центральной печи. Взяв сухой можжевельный веник, смела слежавшуюся серую пыль с шамотных плит пода и костяшками пальцев простучала кладку. Камень отозвался чистым, гулким бронзовым звоном монолита.

— Кладка живая! — выдохнула я, оборачиваясь к Богдану с сияющими глазами. — Швы целы. Проверим тягу — и можно греть понемногу. Но дымоходы наверняка забиты. Растопим сейчас — угар пойдет в зал.

Богдан окинул своды хозяйским взглядом, засучил рукава рубахи, обнажая литые предплечья, и взял с верстака моток троса с чугунным ядром: — Займись дежой и посудой, Даша. Дымоходы я до чистого кирпича продеру, пока солнце не село.

Пока я разбирала посуду, Богдан поднялся на крышу.

К полудню воздух во дворе прогрелся до звонкого тепла. Я мыла в пекарне липовые корыта, когда с крыши донесся тяжелый, глухой стук чугунного ядра.

Выскочив на порог, я увидела деда Трофима, который из всех сил упирал кованый багор в подножие приставной листовенной лестницы. Лестница стояла у стены пекарни над самым обрывом к реке, а на крутом коньке замшелой дранковой кровли, оседлав кирпичный стояк дымохода, балансировал Богдан.

— Трофим, держи крепче! — крикнула я, бросаясь на помощь.

Я встала на нижнюю перекладину обеими ногами, навалившись грудью на тетиву. Лестница обрела устойчивость скалы. Богдан оглянулся вниз, коротко кивнул и с силой загнал стальной ерш с чугунным ядром в черное жерло дымохода.

Система была уникальной: трехъярусные борова с раздельными шиберами позволяли протапливать каждый каменный под отдельно. Но в центральном стояке ядро вдруг встало намертво на трехметровой глубине.

— Застрыло! — крикнул Богдан с конька. — Плотная пробка в колене!

Он перехватил трос голыми руками, сделал мощный рывок всем телом, упираясь ногами в кровлю. Раз, другой!

Внутри печной трубы раздался пушечный грохот. Пробка сорвалась вниз, и из открытого смотрового люка в пекарне выметнулось плотное черное облако слежавшейся сажи. Я соскочила с перекладины, оставив лестницу Трофиму, и побежала внутрь.

Я закашлялась, слезы брызнули из глаз, но первым делом бросилась захлопывать створки мучных ларей. Чугунная заслонка перекосилась на петлях. Я схватила медный молоток и точным поставленным ударом вогнула штифт на место. Заслонка с лязгом встала в притвор.

Пекарня была спасена от пыли, но сама я оказалась перемазанной копотью от лба до подбородка.

Когда Богдан спустился с крыши, он стянул рукавицы и заглянул в нижний сборник боровов с железным скребком. Скребок со звоном ударился во что-то плотное и упругое.

— Погоди-ка... Здесь ткань, — нахмурился мельник.

Он запустил руку глубоко в боров и с глухим усилием выволок наружу слежавшийся тяжелый ком.

Мы склонились над находкой. На каменный пол упал плотно скрученный кусок парусины, насквозь пропитанный густым черным дегтем и отработанным машинным маслом. Ткань почти не истлела. На развернутом краю отчетливо

проступил несмываемый синий штамп: «Элеватор Зуева. Технический склад».

В пекарне повисла звенящая, ледяная тишина.

Я развернула найденный утром чертеж прадеда и приложила палец к схеме дымоходов: — Богдан... Смотри. Эта ветошь была забита в потайной отсекающий боров. Тот самый, что регулирует ночной отвод угарного газа. Добраться до него снаружи невозможно — только зная точное расположение ревизионного люка.

Лицо великана побелело. Челюсти сжались с таким страшным хрустом, что мне показалось — лопнут зубы. Его синие глаза потемнели, наливаясь тяжелой яростью.

— Пять лет назад... — глухо, роняя слова словно булыжники, заговорил он. — Отец заночевал в пекарне перед ярмаркой. Утром его нашли на лавке мертвым. Врачи сказали: сердце не выдержало, угарел по собственной халатности... А Зуев на следующий же день явился с бумагами скупать мельницу за бесценок. Кричал, что без отца я разорюсь.

— Кто-то перекрыл отвод, — тихо произнесла я, касаясь пальцами его дрожащего кулака. — С такой пробкой дым мог пойти прямо к лавке. Штамп ведет к Зуеву. Нужно заново расследовать смерть твоего отца.

Богдан медленно поднял ветошь, бережно завернул ее в кусок чистого холста и убрал в закрытый ящик у верстака и позвал Трофима посмотреть находку: — Эта тряпка еще заговорит в суде. А сейчас — растопим печь. В память об

отце.

Мы подошли к дровянику. Во дворе лежал штабель смолистой сосны, но я решительно покачала головой: — Сосна не пойдет. Хвойный дым забьет поры кирпича скипидаром, хлеб будет горчить месяцами. Нужна ольха. Только сухая ольха и береза без коры.

Богдан молча провел меня под дальний навес, где высились поленицы колотой ольхи пятилетней выдержки. Поленья звенели в руках, сухие как порох. Он легко подхватил две колоссальные охапки и перенес их к устью печи.

Я сложила дрова правильным решетчатым колодцем прямо на колосниках. Чиркнула спичка, но пламя захлебнулось: холодный столб сырого воздуха в трубе давил огонь обратно, выталкивая едкий дым в помещение. Обратная тяга.

— Прогреем трубу, — сказала я, заслоняясь от дыма.

Свернув трубкой длинный кусок сухой бересты, я подожгла факел и на железном совке просунула его прямо в горловину дымооборота. Горячий берестяной огонь прогрел ледяную воздушную пробку.

Через секунду в недрах кирпичной кладки раздался утробный, победный гул. Пламя с ревом устремилось в боров. Печь ожила, жадно втягивая ольховый жар.

Через два часа поленья прогорели до прозрачных вишневых углей. Я взяла старинную мочальную помель на длинном ясеневом черенке, окунула ее в ведро с ледяной водой и широкими круговыми движениями омыла раскаленные плиты

пода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.